

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата филологических наук, старшего преподавателя кафедры теории и практики начального образования РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» Машковой Екатерины Евгеньевны на диссертацию Ташкиновой Татьяны Николаевны «Художественный мир драматургии Марии Виргинской», представленную на соискание научной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.02 – русская литература

Актуальной задачей современного литературоведения является создание академической истории русской литературы XX столетия. Осмыслению подлежит наследие эмиграции, вырабатывается беспристрастный взгляд на литературу соцреализма, обобщается и дополняется история «катакомбной», «возвращенной» литературы. В этом контексте исследования «альтернативной» драматургии 1970–1990-х годов, которую в числе других писателей представляет Мария Васильевна Виргинская, занимают особое место. Обращение к творчеству драматургов, преодолевающих догмы «основного метода» советской литературы, позволяет на практике проследить, пользуясь терминологией Х. Гюнтера, «расшатывание соцреалистического канона», выявить механизмы смены художественных парадигм на рубеже XX–XXI веков, восполнить существующие лакуны в теории драмы. При этом детальное изучение творчества отдельных авторов имеет не меньшее значение, чем работы обобщающего характера, что свидетельствует об актуальности выбранной Т. Н. Ташкиновой темы и востребованности полученных ею результатов.

Научная новизна рецензируемой работы не вызывает сомнения: пьесы М. Виргинской впервые становятся объектом системного изучения. Диссертация Т. Н. Ташкиновой имеет логичную, продуманную структуру. В **первом разделе** соискательницей выстроена четкая система координат,

задающая векторы дальнейшего анализа драматического наследия М. Виргинской, позволяющая вычленивть в нем общее и индивидуально-авторское. Одной из таких координатных «осей» выступают перечисленные в работе открытия «альтернативной» драматургии в целом. В их числе – социальная проблематика и духовные искания кризисного времени, неидеологизированный герой, децентрализация образной системы, «рассеивание» конфликта, отход от внешнего действия, психологизация, усложнение композиции, трансформация хронотопа, открытые финалы, жанровый синкретизм, усиление авторского присутствия в пьесе, смысловые акценты на уровне паратекста. Комментируя эти явления, диссертантка упоминает о том, что в 1970—1980-е годы они не раз становились предметом острых дискуссий, заслуживающих, полагаем, более детального рассмотрения. Их анализ мог выступить тем контрастным фоном, на котором портрет самой М. Виргинской проявился ярче.

Отчасти в работе это компенсируется скрупулезно собранной библиографией по драматургии М. Виргинской, включающей рецензии на постановки ее пьес и литературоведческие исследования (небольшое количество этих работ, думается, делает разговор о научных подходах к наследию писательницы пока преждевременным; возможно, в названии подраздела 1.1 уместнее говорить о литературно-критических оценках ее творчества). Т. Н. Ташкинова решает непростую задачу – составляет литературное реноме писателя-современника. Временная дистанция слишком мала, и, понятно, диссертантка находится под обаянием своего автора. С одной стороны, это делает заключения Т. Н. Ташкиновой жизненно точными и лично прочувствованными, и в будущем, конечно, в лице соискательницы М. Виргинская обретет едва ли не самого компетентного рецензента. С другой стороны, порой это оборачивается некоторой пристрастностью в оценках (в случае полемики с Т. Г. Свербиловой, в оценочных эпитетах «нетривиальный», «неординарный», т. п. применительно к М. Виргинской (с. 59, 107, 124, 162 диссертации)).

Еще одним направляющим вектором в работе выступает системный подход. Диссертантка обстоятельно анализирует труды ученых, проецирующих теорию систем в область литературоведческих штудий, и аргументированно доказывает, что именно «исследование художественного мира... предполагает осмысление... пьес как целостной эстетической системы» (с. 7 автореферата). Указывая на дискуссионность термина, Т. Н. Ташкинова предлагает свое, вполне конкурентоспособное определение художественного мира, выделяет его конститутивные признаки. Вместе с тем, в тексте диссертации художественный мир номинируется и как понятие, и как категория (например, с. 27, 31), что нуждается в уточнении. Требуют комментария и другие терминологические выражения. В частности, неясно, что подразумевается под «приемами подтекстового психологизма», «средствами косвенного психологизма», «хронотопной деталью», «архетипными хронотопами», «пространственным мотивом», «пространственными антонимами», «пространственной метафорой» (с. 43, 121, 134, 197, 163, 164, 165 диссертации).

Примечательно, что в диссертации совершается попытка вычлнить составляющие художественного мира в зависимости от рода произведения. В этом ключе рассматриваются изменения, которые претерпела драма от Аристотеля до наших дней. Непонятно, однако, почему в заголовке подраздела 1.3 «"Художественный мир" драматического произведения...» термин берется в кавычки.

Согласно концепции Т. Н. Ташкиновой, драма как эстетическая система включает следующие уровни: авторскую картину мира, концептосферу, систему образов, хронотоп, сюжет, конфликт, действие. Их исследованию в драматургии М. Виргинской посвящаются второй, третий и четвертый разделы, в которых диссертантка успешно вводит в литературоведческий оборот значительный по объему комплекс текстов М. Виргинской: знакомит с ними (большая часть наследия пока не опубликована), выделяет пьесы, схожие по теме, идее, проблематике. При

этом Т. Н. Ташкинова избегает описательности, анализ не подменяется пересказом. Очевидно, фиксированный объем кандидатской диссертации не всегда позволяет соискательнице подкреплять заявленные тезисные характеристики пьес собственно текстуальным анализом. Конечно, хотелось бы чаще слышать голос самого автора. Но те яркие фрагменты работы, где выводы исследовательницы иллюстрируются цитатами, укрепляют в надежде, что в будущей монографии этот недостаток будет с избытком компенсирован. Отдельную главу в ней могли бы составить вызывающие интерес открытия диссертантки на уровне паратекста в пьесах «Еще один конец великой империи...», «Была ли жизнь?», «Завтра» и «Послезавтра», «Ра, или Джентльмен неудачи», «Колесо».

Во **втором разделе** Т. Н. Ташкиновой анализируется «субъективный образ объективного мира» в драматургии М. Виргинской. Писательница предстает автором, оппозиционным коммунистической системе, «государственной машине» вообще. Убедительно доказывается, что в анализируемых произведениях «злоба дня» неотделима от личностно-психологической проблематики, от «вечных» вопросов. Соискательница выходит на важный идейный комплекс: истоки драматизма современности, по М. Виргинской, – в дихотомии личности и «массы», «толпы». Толпа обезличивает, но создает иллюзию общности. Для человека жизненно важно сохранить личностную цельность, но непереносимо вселенское одиночество. Выход – в духовном единении близких по устремлениям людей.

Ключевыми для художественного мира М. Виргинской Т. Н. Ташкинова называет концепты «Свобода», понимаемая как «свобода от» и «свобода для», «Любовь», в самых различных ее проявлениях, «Творчество», подразумевающее и жизнетворчество. Соискательница обнаруживает, что поэт, творец выступает в анализируемых текстах «своеобразным посредником между обществом и властью». «Подобное отношение... не меняется у М. Виргинской в течение всей жизни», – пишет Т. Н. Ташкинова (с. 87–88 диссертации).

Хотя в работе заявлен тезис о динамике идей и образов писательницы, собственно динамика прослеживается лишь однажды, когда на материале разных редакций пьесы «Конкистадоры», пьес «Завтра» и «Послезавтра» анализируется эволюция героя-творца. Следует ли из этого, что для М. Виргинской вообще характерно художественное и идейно-философское постоянство, что она вошла в литературу уже сформировавшимся автором, с устоявшимися, концептуально не меняющимися взглядами и в этом смысле ее драматургия – действительно *«завершенный художественный мир»*? Или можно привести и другие примеры переосмысления М. Виргинской отдельных тем и образов? В таком случае видится перспективным изучение ее драматургии в развитии.

Ответы на подобные вопросы вносят новые штрихи в портрет писательницы, творческая биография которой пока обозначена пунктирно. Т. Н. Ташкинова упоминает о том, что в круг литературных интересов М. Виргинской входили украинские драматурги и испанские литераторы. Думается, среди писателей, типологически ей близких, были и русские классики. Так, например, точно подмеченные соискательницей замкнутые пространства, в которых живут герои, образ муравейника, идеи оправданности насилия во имя великой цели, производства «гомо счастливого», «всем довольного», сам термин «полифонизм», встречающийся в работе, явно отсылают к Достоевскому. Во введении и подразделе 1.1 Т. Н. Ташкинова перечисляет целый ряд русских драматургов-современников, творческие поиски которых в той или иной степени были М. Виргинской созвучны. Но далее в работе, за редкими исключениями, сопоставлений с современными авторами не проводится; в то время как именно контекст мог бы, с одной стороны, ярче оттенить творческую индивидуальность писательницы, с другой – «вписать» ее в эпоху.

Так, в частности, в конце 1980-х годов, когда создавались пьесы «Евангелие», «Искушение Магдалины», «Собака-Паладин», в числе прочих рассматриваемые в **третьем разделе**, к сакральным сюжетам обращались и

другие драматурги (к примеру, А. Володин в пьесе «Мать Иисуса»). Возможно, М. Виргинская более деликатно интерпретирует первоисточники, но мы не можем согласиться с утверждением диссертантки, что писательница не меняет канонических характеристик, а лишь дополняет их. Речь здесь идет о диаметрально различных мировоззренческих парадигмах. Т. Н. Ташкинова справедливо замечает, что произведения М. Виргинской проникнуты гуманистическим пафосом. Но в гуманистической традиции в центре мироздания – человек, разумный и сильный, его голос звучит погорьковски гордо. Такой герой, подобно Марии Магдалине М. Виргинской, действительно может сказать: «Бог – это и есть мы, люди, кто больше, кто меньше» (с. 138 диссертации). Православная же духовность стоит на любви к малым сим, заблудшим и слабым, любви нерассуждающей, смиренной. Главная героиня пьесы «Собака-Паладин» убеждает, рассуждает, спорит. И совсем не таков ее Прообраз. Неслучайно Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) в «Слове в день Благовещенья Пресвятой Богородицы» говорит: «Она молчала... молчала всегда в жизни Своей... Ее уста всегда были запечатлены печатью благодатного и святого молчания».

Вместе с тем, в ходе анализа системы персонажей Т. Н. Ташкинова выявляет собственно идейные основы художественного мира писательницы. Истинная причина кризиса общественного сознания в переломную эпоху, согласно М. Виргинской, – в самом человеке, именно он ответственен за свой внутренний мир; в ситуации общего хаоса каждый способен сохранить гармонию: в себе – через творчество, внутри семьи, в кругу единомышленников.

В четвертом разделе – одном из самых концептуальных в диссертации – обстоятельно доказывается, что конфликт понимается автором как перманентное свойство мироздания, а характерные для «альтернативной» драматургии трансформации хронотопа в пьесах М. Виргинской обретают масштаб колоссального эксперимента. Опираясь на множество примеров, соискательница выстраивает оригинальную теорию художественного

времени, коррелирующего в пьесах М. Виргинской с сюжетом. Так, принципиальная для писательницы открытость времени в будущее реализуется в текстах в виде открытых финалов, а в пьесах о «распаде империи» время становится «мертвым». В ряде случаев, однако, диссертантка не разграничивает понятия «хронотоп» и «топос». Очевидно, когда речь идет о дороге, доме, границе, имеются в виду все же не «виды хронотопа в пьесах Виргинской» (с. 13 автореферата), а ключевые топосы.

Подобные вопросы не ослабляют общего положительного впечатления от работы и в первую очередь свидетельствуют о большом научном потенциале темы. Соискательница успешно преодолевает трудности, неизбежные в любом пионерском исследовании, а значительный объем проанализированного материала свидетельствует о безусловном исследовательском энтузиазме автора. Диссертацию завершают системные и обоснованные выводы, представляющие художественный мир М. Виргинской разносторонне и объемно. Автореферат отображает программные положения диссертации. Представленные публикации освещают основные рассмотренные соискательницей проблемы.

Ввиду всего сказанного считаю, что диссертация Т. Н. Ташкиновой «Художественный мир драматургии М. Виргинской» является завершенным самостоятельным исследованием, отвечает требованиям «Порядка присуждения научных степеней и присвоения ученого звания старшего ученого сотрудника», а ее автор заслуживает присуждения научной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.02 – русская литература.

**Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
теории и практики высшего образования
РВУЗ «Крымский инженерно-
педагогический университет»**

Е. Е. Машкова

*Подпись Машковой Е. Е. подтверждаю
инициатор отдела кадров РВУЗ «КрИУ» ГИ Демисева Л. М.*